

ГЛУПЫЙ ФРАНЦУЗ

А.П. Чехов

Клоун из цирка братьев Гинц, Генри Пуркуа, зашёл в московский трактир Тестова позавтракать.

— Дайте мне консоме! — приказал он половому.

— Прикажете с пашотом или без пашота?

— Нет, с пашотом слишком сытно... Две-три гренки, пожалуй, дайте...

В ожидании, пока подадут консоме, Пуркуа занялся наблюдением. Первое, что бросилось ему в глаза, был какой-то полный благообразный господин, сидевший за соседним столом и приготавливающийся есть блины.

«Как, однако, много подают в русских ресторанах! — подумал француз, глядя, как сосед поливает свои блины горячим маслом. — Пять блинов! Разве один человек может съесть так много теста?»

Сосед между тем помазал блины икрой, разрезал все их на половинки и проглотил скорее, чем в пять минут...

— Челазк! — обернулся он к половому. — Поддай ещё порцию! Да что у вас за порции такие? Поддай сразу штук десять или пятнадцать! Дай балыка.. сёмги, что ли?

«Странно... — подумал Пуркуа, рассматривая соседа. — Съел пять кусков теста и ещё просит! Впрочем, такие феномены не составляют редкости... У меня у самого в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супу и пять бараньих котлет... Говорят, что есть также болезни, когда много едят...»

Половой поставил перед соседом гору блинов и две тарелки с балыком и семгой. Благообразный господин выпил рюмку водки, закусил семгой и принялся за блины. К великому удивлению Пуркуа, ел он их спеша, едва разжевывая, как голодный...

«Очевидно, болен... — подумал француз. — И неужели он, чудак,

воображает, что съест всю эту гору? Не съест и трёх кусков, как желудок его будет уже полон, а ведь придётся платить за всю гору!»

— Дай ещё икры! — крикнул сосед, утирая салфеткой масляные губы. — Не забудь зелёного луку!

«Но... однако, уж половины горы нет! — ужаснулся клоун. — Боже мой, он и всю сёмгу съел? Это даже неестественно... Неужели человеческий желудок так растяжим? Не может быть! Как бы ни был растяжим желудок, но он не может растянуться за пределы живота... Будь этот господин у нас во Франции, его показывали бы за деньги... Боже, уже нет горы!»

— Подашь бутылку Ньюи... — сказал сосед, принимая от полового икру и лук. — Только погрей сначала... Что ещё? Пожалуй, дай ещё порцию блинов... Поскорей только...

— Слушаю... А на после блинов что прикажете?

— Что-нибудь полегче... Закажи порцию селянки из осетрины порусски и... и... Я подумаю, ступай!

«Может быть, это мне снится? — изумился клоун, откидываясь на спинку стула. — Этот человек хочет умереть! Нельзя безнаказанно съесть такую массу! Да, да, он хочет

умереть. Это видно по его грустному лицу. И неужели прислуге не кажется подозрительным, что он так много ест? Не может быть!»

Пуркуа подождал к себе полового, который служил у соседнего стола, и спросил шёпотом:

— Послушайте, зачем вы так много ему подаете?

— То есть, э... э... они требуют-с! Как же не подавать-с? — удивился половой.

— Странно, но ведь он таким образом может до вечера сидеть здесь и требовать! Если у вас у самих не хватает смелости отказывать ему, то доложите метрд'отелю, пригласите полицию!

Половой ухмыльнулся, пожал плечами и отошел.

«Дикари! — возмущился про себя француз. — Они ещё рады, что за столом сидит сумасшедший, самоубийца, который может съесть на лишней рубль! Ничего, что умрёт человек, была бы только выручка!»

— Порядки, нечего сказать! — проворчал сосед, обращаясь к французу. — Меня ужасно раздражают эти длинные антракты! От порции до порции изволь ждать полчаса! Этак и аппетит пропадет к чёрту, и опоздаешь... Сейчас три часа, а мне к пяти надо быть на юбилейном обеде.

— Pardon, monsieur, — поблелел Пуркуа, — ведь вы уж обедаете!

— Не-ет... Какой же это обед? Это завтрак... блины...

Тут соседу принесли селянку. Он налил себе полную тарелку, поперчил кайенским перцем и стал хлебать...

«Бедняга... — продолжал ужасаться француз. — Или он болен и не замечает своего опасного состояния, или же он делает всё это нарочно... с целью самоубийства... Боже мой, знай я, что наткнулся здесь на такую картину, то ни за что бы не пришёл сюда! Мои нервы не выносят таких сцен!»

И француз с сожалением стал рассматривать лицо соседа, каждую ми-

нуту ожидая, что вот-вот начнутся с ним судороги, какие всегда бывали у дяди Франсуа после опасного пари...

«По-видимому, человек интеллигентный, молодой... полный сил... — думал он, глядя на соседа. — Быть может, приносит пользу своему отечеству... и весьма возможно, что имеет молодую жену, детей... Судя по одежде, он должен быть богат; доволен... но что же заставляет его решаться на такой шаг?.. И неужели он не мог избрать другого способа, чтобы умереть? Чёрт знает как дешёво ценится жизнь! И как низок, бесчеловечен я, сидя здесь и не идя к нему на помощь! Быть может, его ещё можно спасти!»

Пуркуа решительно встал из-за стола и подошёл к соседу.

— Послушайте, monsieur, — обратился он к нему тихим, вкрадчивым голосом. — Я не имею чести быть знаком с вами, но, тем не менее, верьте, я друг ваш... Не могу ли я вам помочь чем-нибудь? Вспомните, вы еще молоды... у вас жена, дети...

— Я вас не понимаю! — замотал головой сосед, тараща на француза глаза.

— Ах, зачем скрытничать, monsieur? Ведь я отлично вижу! Вы так много едите, что... трудно не подозревать...

— Я много ем?! — удивился сосед.

— Я?! Полноте... Как же мне не есть, если я с самого утра ничего не ел?

— Но вы ужасно много едите!

— Да ведь не вам платить! Что вы беспокоитесь? И вовсе я не много ем! Поглядите, ем, как все!

Пуркуа поглядел вокруг себя и ужаснулся. Половые, толкаясь и налетая друг на друга, носили целые горы блинов... За столами сидели люди и поедали горы блинов, семгу, икру... с таким же аппетитом и бесстрашием, как и благообразный господин.

«О, страна чудес! — думал Пуркуа, выходя из ресторана. — Не только климат, но даже желудки делают у них чудеса! О страна, чудная страна!»

Уж така ли благочестива, уж такой ли правильной жизни была купчиха, что одно умиление!

Вот как в масленицу съедет купчиха с утра блины ись. И ест, и ест блины — и со сметаной, с икрой, с сёмгой, с грибочками, с селёдкой, с мелким луком, с сахаром, с вареньем, разными припёками, ест со вздохами и с выпивкой.

И так это благочестиво ест, что даже страшно. Поест, поест, вздохнет и снова ест.

А как пост настал, ну, тут купчиха постничать стала. Утром глаза открыла, чай пить захотела, а чаю-то нельзя, потому пост.

В посту не ели ни молочного, ни мясного, а кто строго постился, тот и рыбного не ел. А купчиха постилась изо всех сил: она и чаю

сахаром пять, с малиновым соком пять чашек да с вишневым пять, да не подумай, что с настойкой, нет, с соком. И заедала чёрными сухариками.

Пока кипяточек пила, и завтрак поспел. Съела купчиха капусты солёной тарелочку, редьки тёртой тарелочку, грибочков мелких, рыжиков, тарелочку, огурчиков солёных десяточек, запила всё квасом белым. Взамен чаю стала сбивень пить паточный. Время не стоит, оно к полудню пришло. Обедать пора. Обед постной-постной! На первое жиденька овсянка с луком, грибовница с крупой, лукова похлёбка.

На второе грузди жарены, брюква печёная, солоники — сочни-сгибни с солью, каша с морковью и шесть других каш разных с вареньем и

КАК КУПЧИХА ПОСТНИЧАЛА

С.Г. Писахов

не пила, и сахару ни колотого, ни пиленого не ела, ела сахар особенный — постной, вроде конфет.

Дак благочестивая кипяточку с мёдом выпила пять чашек да с постным

три киселя: кисель квасной, кисель гороховый, кисель малиновый. Заела всё варёной черникой с изюмом. От маковников отказалась:

— Нет-нет, маковников ись не стану, хочу, чтобы во весь пост и росинки маковой во рту не было!

После обеда постница кипяточку с клюквой и с яблочной пастилой попила.

А время идёт и идёт. За послеобеденным кипяточком с клюквой, с пастилой тут и паузна.

Вздыхнула купчиха, да ничего не поделать — постничать надо!

Поела гороху мочёного с хреном, брусники с толокном, брюквы пареной, тюри мучной, мочёными яблоками с мелкими грушами в квасу заела.

Ежели неблагочестивому человеку, то такого поста не выдержать — лопнет.

А купчиха до самой ужны пьёт себе кипяточек с сухими ягодами. Трудится — постничать! Вот и ужну подали.

Что за обедом ела, всего и за ужной поела. Да не утерпела и съела

рыбки кусочек, лещика фунтов на девять.

Легла купчиха спать, глянула в угол, а там лещ. Глянула в другой, а там лещ!

Глянула к двери — и там лещ! Изпод кровати лещи, кругом лещи. И хвостами помахивают. Со страху купчиха закричала.

Прибежала кухарка, дала пирога с горохом — полегчало купчихе.

Пришёл доктор — просмотрел, прослушал и сказал:

— Первый раз вижу, что до белой горячки объелась.

Дело понятно, доктора образованные и в благочестивых делах ничего не понимают.

